

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙМАНЪ С.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Памяти Ѳ. М. Достоевскаго. А. Толивѣрова. — II. Малороссія. Т. Пассекъ. — III. Т. Г. Шевченко. * *. — IV. Иванъ Купала. Н. Сорокинъ.

ПАМЯТИ

ѲЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКАГО. *)

(Родился 30 октября 1822 г., умеръ 28 января 1881 г.)

31 января утромъ, Петербургъ имѣлъ какой-то особенно праздничный видъ. По всѣмъ направленіямъ несли вѣнки, гирлянды и цвѣты. Движеніе по улицамъ было необычайное. Вся эта пестрая толпа направлялась въ маленькій переулокъ, къ скромному дому.

*) Портретъ покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ № „Грушечки“ въ продолженіи этой статьи. Ред.

Кто живетъ въ этомъ домѣ? что случилось въ немъ? почему собрались подлѣ него люди разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ, сословій и состояній.... Для кого предназначена эта масса вѣнковъ съ надписями: „Другу чести и правды“, „Великому учителю“, „Изъ сердца Россіи“, „Защитнику униженныхъ и оскорбленныхъ“, „Отъ студентовъ“, „Отъ женскихъ медицинскихъ курсовъ“, „Отъ мужскихъ и женскихъ гимназій“, „Отъ присяжныхъ повѣренныхъ“, „Отъ города Петербурга“, „Отъ литераторовъ“, „Отъ Дѣтей“ и другіе.

Но вотъ къ крыльцу подѣхали, подѣ малиновымъ балахиномъ, погребальныя дроги, а черезъ нѣсколько времени, съ лѣстницы послышалось пѣніе, и показался обитый золотымъ глазетомъ гробъ. Дроги отодвинули назадъ, а гробъ, обвитый гирляндой изъ лавровъ, понесли высоко надъ толпой представители литературы, искусства и воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Изъ Кузнечнаго переулка, гдѣ жилъ покойный, процессія повернула на Владимірскую улицу; подлѣ церкви, около ограды, была пропѣта литія. Въ окнахъ, на балконахъ, на крышахъ, всюду, гдѣ было только можно, стоялъ народъ. Ъзда экипажей и конно-желѣзныхъ дорогъ была остановлена. Со всѣхъ сторонъ слышалось стройное пѣніе „Святый Боже!“ Когда процессія достигла Невскаго проспекта, толпа была такъ велика, что шествіе постоянно прерывалось.

Для многихъ эта торжественность и многолюдность похоронъ была не понятна.

Группами стоявшій народъ дѣлалъ разныя предположенія.

Въ одной группѣ говорили, что хоронятъ министра, въ другой—генерала, а въ третьей, состоявшей изъ простого народа, на вопросъ старика-крестьянина „кого хоронятъ?“ Молодой, повидимому, грамотный парень, глядя на вѣнокъ съ надписью, бойко отвѣтилъ: „Друга чести и правды“.

Да, это былъ дѣйствительно „другъ чести и правды“ и я, знавшая его лично, съ грустью въ сердцѣ берусь за перо.

чтобы въ короткихъ словахъ разсказать біографію того, кого мы только что опустили въ землю, того, чье страдальческое лицо мы только что видѣли. Спокойный, со сложенными на груди руками, онъ на долгое время останется въ памяти тѣхъ, которые перебивали въ его небольшой, небогатой квартиркѣ и проводили въ послѣднее пристанище.

А такихъ людей было много!...

Молодые люди обоего пола, старики, дѣти, знатные, богатые, бѣдные—все почтили память этого труженика искренней, горячей слезой.

Въ его скромномъ жилищѣ, во время панихиды, рядомъ съ генеральскимъ мундиромъ стоялъ простолудинъ, о нуждахъ котораго покойный всегда заботился.

Защитникъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, онъ собралъ всѣхъ воедино подлѣ своего гроба.

Эти похороны, съ десятками тысячъ людей во главѣ, не есть ли наше національное торжество! И человекъ, сошедшій въ могилу, наша національная гордость, не есть ли представитель созрѣвшаго въ душѣ русскаго народа чувства нравственной высоты!

Въ день похоронъ, 1-го февраля, та же толпа пришла поклониться ему въ послѣдній разъ, но, по недостатку мѣста, должна была остаться за оградой кладбища; въ церковь вошла только частица этой тысячной толпы.

Когда отпѣваніе было окончено, тогда депутаты, окружавшіе гробъ, съ вѣнками, направились къ выходу, чтобы занять свои мѣста на дорогѣ, гдѣ понесутъ гробъ.

Но вотъ началось движеніе... Родные и друзья, бережно взявшіеся за скобки и углы гроба, чтобы нести его къ приготовленному мѣсту, были остановлены голосами изъ толпы: „дайте на память цвѣтовъ“, говорили стоявшіе впереди, „бросьте намъ цвѣтовъ“, кричали, протягивая руки по направленію къ гробу, тѣ, которые стояли дальше.

Каждый, выходя изъ церкви, несъ вѣточку кипариса, цвѣтокъ или лавровый листокъ.

Едва снесли гробъ со ступеней церковной лѣстницы, какъ всѣ 75 вѣнковъ, превратившіе покрытую снѣгомъ дорогу въ цвѣтущую аллею, склонились надъ нимъ.

Каждому хотѣлось встать поближе и въ послѣдній разъ взглянуть на гробъ человѣка, который всю жизнь страдалъ страданіями бѣдныхъ и угнетенныхъ людей.

Нелегко было уступать его землѣ! Но вотъ онъ уже скрылся за массою вѣнковъ и толпою молодыхъ людей, которымъ онъ посвятилъ нѣсколько словъ въ своемъ послѣднемъ „Дневникѣ“, и на освѣжающія силы которыхъ такъ надѣялся... Они окружили гробъ, точно какимъ-то колоссальнымъ объятіемъ, и со слезами, тихо, бережно опустили въ землю своего „великаго учителя“.

Еще мгновенье—холодная земля упала нѣсколько разъ на крышку гроба и остановились—леденящіе звуки замѣнились теплыми словами товарища покойнаго, извѣстнаго драматурга А. И. Пальма. Онъ вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ и нашимъ симпатичнымъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ, какъ государственные преступники, были приговорены къ смертной казни въ 1849 году. Но этотъ приговоръ, произнесенный надъ ними на Семеновскомъ плацу, былъ замѣненъ работой въ рудникахъ.

„Какъ теперь вижу“, сказалъ взволнованнымъ голосомъ А. И. Пальмъ, „минуту нашего прощанья въ декабрѣ 1849 года. Онъ, бодрый, почти веселый и какой-то свѣтлый, вѣрующій, обнялъ меня и сказалъ: „до свиданья, Пальмъ, увидимся, непременно увидимся! Четыре года каторги, потомъ солдатчина, — все вздоръ, пустяки, пройдетъ; а будущее наше!“ Глаза его сверкали; прекрасная, любящая улыбка загорѣлась на его блѣдномъ, измученномъ лицѣ... Прошли многіе трудные годы и въ самомъ дѣлѣ наступило наше свиданье... Ѳ. М. опять все тотъ же бодрый, свѣтлый, вѣрующій—на литературномъ чтеніи въ пользу учащейся молодежи—шепчетъ мнѣ: „а вѣдь мы не пропали! Мало насъ, а все-таки нѣтъ, нѣтъ да и вспомнятъ стариковъ...“

Вѣдь вотъ же пригодились, не пропали!... “ Безъ этой вѣры нѣтъ ничего прочнаго, ничего великаго. Эта вѣра въ свое душевное дѣло неизмѣнно и прямо ведетъ къ всепрощенію, къ признанію правъ въ человѣческой личности, къ полному примиренію“.

Послѣ этой рѣчи и многихъ другихъ, нашъ молодой поэтъ А. В. Арсеньевъ произнесъ слѣдующее прочувствованное стихотвореніе:

Тяжелый для Руси ударилъ смертный часъ,
И звукъ его въ сердцахъ болѣзненно отдался—
Великій человѣкъ безвременно угасъ,
Великихъ словъ потокъ безвременно прервался!

* * *

Усопшій геній нашъ! Въ душѣ своей чистѣйшей
Христовой правоты ученіе вмѣстилъ,—
И низшей братьѣ онъ, униженной, слабѣйшей,
Глаголь святой любви, участія возвѣстилъ!

* * *

Чье сердце, какъ его, любовью къ ближнимъ билось?
Кто могъ, какъ онъ, сердца на путь добра увлечь?
Предъ кѣмъ такъ, какъ предъ нимъ, все низкое таилось,
Почувявъ словъ его разящій, острый мечъ?!

* * *

Что насъ собрало здѣсь, предъ вырытой могилой,
Предъ прахомъ дорогимъ?... О, братья! этотъ часъ
Воочью показалъ съ неотразимой силой,
Что теплится любви святой огонь у насъ!

* * *

Что не померкъ въ душѣ, среди житейской смуты,
Тотъ свѣточъ правоты, что въ ней зажегъ самъ Богъ!...
О, братья! велика торжественность минуты!...
А вызвать этотъ свѣтъ—Достоевскій лишь могъ!...

* * *

Раздвиньтеся гробы, отмѣченные славой! *)
Примите новый гробъ въ свой неподвижный рядъ!..
Въ вашъ тихій сонъ пришелъ нашъ геній величавый,
Къ кому сердца всѣхъ насъ любовью горятъ.

* * *

*) О. М. Достоевскій похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, недалеко отъ Жуковского, Крылова, Гнѣдича, Баратынскаго и кн. Вяземскаго.

Усни же, гений нашъ! Не зависть здѣсь тебя,
 А чистая любовь сердечная хоронить!...
 Отсюда всякъ пойдетъ, въ душѣ своей скорбя,
 А здѣсь, на прахъ слезу горячую уронить!...

Послѣ похоронъ толпа долго еще не расходилась. Отъ вѣнковъ остались только проволоки да палки, на которыхъ ихъ несли. Холодный вѣтеръ на всѣ стороны разносилъ оторванные лавровые листья, ихъ тотчасъ же подбирали и бережно разносили по домамъ.

„Какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастіи“.
 Достоевскій.

Мое знакомство съ покойнымъ Федоромъ Михайловичемъ произошло въ концѣ 1876 г. при совершенно неожиданныхъ обстоятельствахъ. Онъ, не зная меня лично, выручилъ меня изъ очень затруднительнаго положенія. И когда я пошла благодарить его, то онъ крайне былъ этимъ взволнованъ.

Какъ сейчасъ вижу его. Блѣдный, одѣтый въ длинно-полый темно-коричневый сюртукъ, онъ подошелъ ко мнѣ быстро, сразу, взявши за обѣ руки, сказалъ: „жалъ мнѣ васъ, но таковы условія цензуры... Надобно знать время, когда что можно и когда чего нельзя“. Посадивши меня, самъ онъ продолжалъ стоять. Мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко сидѣть, но онъ удержалъ меня, говоря: „на меня не смотрите, я иногда не могу сидѣть“. Въ лицѣ Федора Михайловича всего болѣе поражали его глаза. Они были темно-каріе, глубокіе, голова была покрыта темно-каштановыми, съ небольшою просѣдью, мягкими волосами. Впечатлѣніе, произведенное его глазами, было такъ же сильно припослѣдующихъ свиданіяхъ, какъ при первомъ. Хотя иногда они лихорадочно блестѣли, иногда казались потухшими, но въ томъ и другомъ случаѣ производили равно сильное впечатлѣніе. Это происходило еще и потому, что Федоръ Михайловичъ, говоря, всегда смотрѣлъ пристально въ упоръ.

Не смотря на то, что онъ не всегда былъ ровень въ об-

ращеніи, хотя всегда искренень, быть съ нимъ было какъ-то особенно хорошо.

Часто, выйдя изъ своего рабочаго кабинета, онъ какъ будто не узнавалъ посѣтителя—еле кланялся, какъ-то метался, и, при первомъ словѣ, какъ-то нервно сжималъ свои худыя, безкровныя руки. Но это было не надолго,— послѣ этого онъ или уходилъ, ссылаясь на спѣшную работу, или, если уже оставался, то выслушивалъ разговоръ до конца съ чувствомъ полного, теплаго участія. На вопросы онъ отвѣчалъ всегда прямо, искренно.

Но занявшись моимъ личнымъ воспоминаніемъ, я невольно отдалилась отъ біографіи покойнаго.

Изъ того немногого, что намъ извѣстно о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ, видно, что его родители были помѣщики, отецъ по профессіи докторъ. Первое свое воспитаніе Ѳедоръ Михайловичъ получилъ въ Москвѣ въ пансіонѣ Чермакъ, затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ, нѣкоторое время приготовлялся у капитана Костомарова,—отъ него поступилъ въ главное инженерное училище, гдѣ и окончилъ курсъ.

О раннемъ дѣтствѣ его извѣстно немного изъ его личныхъ воспоминаній въ „Дневникѣ Писателя“.

„Быль второй день Свѣтлаго праздника“, рассказываетъ Ѳедоръ Михайловичъ. Въ воздухѣ было тепло, небо голубое, солнце высокое, „теплое“, яркое, но въ душѣ моей было очень мрачно. Я скитался за казармами, смотрѣлъ, отсчитывая пали крѣпкаго острожнаго тына, но и считать мнѣ ихъ не хотѣлось, хотя было въ привычку. Другой уже день по острогу „шелъ праздникъ“. Воротясь въ казарму, я пробрался на свое мѣсто, противъ окна за рѣшеткой, и легъ навзничь, закинувъ руки за голову и закрывъ глаза. Я любилъ такъ лежать, къ спящему не пристануть (въ острогѣ происходили ужасныя драки), а межъ тѣмъ можно лежать и думать.

Мало по малу я и впрямь забылся и непримѣтно погрузился въ воспоминанія. Во всѣ четыре года каторги, я вспоминалъ безпрерывно все мое прошедшее и, кажется, въ вос-

поминанiяхъ пережилъ всю мою прежнюю жизнь снова. На этотъ разъ, мнѣ вдругъ припомнилось почему-то одно незамѣтное мгновенiе изъ моего перваго дѣтства, когда мнѣ было всего девять лѣтъ отъ роду,—мгновенье, казалось бы, мною совершенно забытое; но я особенно любилъ тогда воспоминанiя изъ самаго перваго моего дѣтства.

Мнѣ припомнился августъ мѣсяць въ нашей деревнѣ, день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтренный. Я прошелъ за гѣмна и, спустившись въ оврагъ, прошелъ до самой роши. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу, какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянѣ, одиноко пашеть крестьянинъ. Я знаю, что онъ пашеть круто въ гору и лошадь идетъ трудно и до меня изрѣдка долетаютъ его крики: „ну-ну“! Вдругъ среди глубокой тишины, я отчетливо и ясно услышалъ крикъ: „волкъ бѣжить“! Я вскрикнулъ и внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну, прямо на пашущаго крестьянина. Это былъ нашъ крестьянинъ Марей. Онъ даже остановилъ кобыленку, заслышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другою за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ.

— Волкъ бѣжить! прокричалъ я, задыхаясь.

— Онъ вскинулъ голову и невольно оглянулся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ.

— Гдѣ волкъ?

— Закричалъ... Кто-то закричалъ сейчасъ: „волкъ бѣжить...“ пролепеталъ я.

— Что ты, что ты, какой волкъ, померещилось; вишь! Какому тутъ волку быть! бормоталъ онъ. Ишь, вѣдь испужался, ай-ай! качалъ онъ головой.—Полно, родной. Ишь, малецъ, ай! Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ.

— Ну, полно же, ну, Христось съ тобой, окетись. Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой тол-

стый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивавшихъ моихъ губъ.

— Ишь, вѣдь, ай, улыбнулся онъ мнѣ какою-то материнскою длинною улыбкой, Господи, да что это? ишь, вѣдь, ай, ай!

Я понялъ, наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ: „волкъ бѣжить“ померещился.

Крикъ былъ, впрочемъ, такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ уже разъ или два и прежде мерещились и я зналъ про то. (Потомъ, съ дѣтствомъ, эти галлюцинаціи прошли).

— Ну, я пойду, сказала я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну, и ступай, а я-же послѣдъ посмотрю, ужъ я тебя волку не дамъ! прибавилъ онъ, все также матерински мнѣ улыбаясь,—ну, Христось съ тобой, ну, ступай, и онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился. Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждые десять шаговъ.

А. Голивѣрова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

